

Лепс А., доктор юридических наук, профессор, член Римского Клуба Эстонии, Правовая Академия Таллиннского Университета ♦

Неправо

Аннотация: Каждое начало - трудно, ибо проблема действительно сложна. Философия, как и все общественные, в том числе социальные науки, имеют своим исходным пунктом опыт. То, что первое в науке, в истории тоже первое. Философию, также философию права, нельзя начинать с «я» и с «населения», поскольку отсутствует *отношение*, как *объективное движение*, пускай это и кажется, вроде, правильным – начать с реального и конкретного. Исходным пунктом эмпиризма в любой его разновидности был, есть и остается человек как таковой [4, с. 218]. Для того, чтобы исследовать *неправо* и *правонарушение* (*преступление*), следует прежде уяснить, какой «вещью», явлением или ценностью является *право* или правоотношение вообще. У великого немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля всё является «вещами», часто, вероятно, и человек. Веками в университетах Европы изучалось правоведение, но до сих пор неизвестно, что за «вещь», всё-таки, это *право* и даже *правоотношение*. Кажется каким-то очень странным, но, увы, это так. Обычно говорят, что «право есть право». Однако может быть, что мы вообще не можем понимать, что такое право?

Сегодня мы можем говорить о правонарушениях (преступлениях), как о форме какого-то другого явления, или, другими словами, о преступлениях, как о видимости. Но пусть сразу будет сказано, что преступление нельзя исследовать через саму себя, пускай, что сегодня это делается очень часто. Как известно,

♦ **Лепс Андо** – доктор юридических наук, профессор, член Римского Клуба Эстонии, Правовая Академия Таллиннского Университета (Эстония). E-mail: andoleps@hotmail.ee

преступление, как одно из основополагающих понятий правовой науки, особенно уголовного права, вопреки распространённому мнению, в действительности с одной стороны есть социальный факт, а с другой стороны, как совершенно абстрактное явление.

Категории бытия – качество, количество и мера [1, с. 55-348] как состояния абстрактного и положительного права, согласно Гегеля, представляют собой различные состояния некоторого *субстрата*. Они не существуют для себя, а составляют определения, приписываемые или принадлежащие другому - *субстрату*. Поэтому ряды отношения мер (качество, количество, мера) должны быть мыслимы, как состояния, в основе которых лежит *субстрат*, как их носитель. К сожалению, до сих пор, никто не смог показать, что именно является этим *субстратом*. Поэтому нам предстоит здесь совершить то, чего мировая правовая наука, и не только правовая наука, а даже социология и другие общественные науки, до сих пор даже и не пытались сделать, - именно показать – что представляет в себе этот *субстрат*. Итак, этим субстратом является как раз – *прибавочная стоимость, как новое знание, как истина*.¹ Вместе с тем исчезнет и загадочность неправа (правонарушения и преступления) и наказания.

Автор этой статьи очень признателен своим учителям, профессорам: Хельмуту Кадари² (1903-1976) Тарту, Ильмару Ребане (1912-1995) Тарту, Инге Борисовне Михайловской (1930) Москва и особенно Льву Ивановичу Спиридонову (1929–1999) Санкт-Петербург, которые меня постарались учить.

Давно известно, что любая новая теория возникает только через критическое преодоление имеющейся теории того же самого явления. Она никогда не возникает на пустом месте, без теоретических предпосылок, и «сведение

¹ Здесь и в некоторых других местах, автор этой статьи выходит за пределы логической категории – бытие.

² Он был учеником профессора уголовного права Тартуского университета С.А. Берре (Sören Andreas Bjerre) (1879-1925), швед по национальности, который в свою очередь был учеником профессора уголовного права Берлинского университета Ф. фон Листа (1851-1919). // *Ando Leps. Kui Eestit valitsesid juristid. Välismaise professuuri panus eesti rahvusest juristide kasvatamisel Tartu ülikooli õigusteaduskonnas aastatel 1889-1938. Eesti juristid poliitikas 1917-1940 ja nende hilisem saatus.* (Когда Эстонией правили юристы. Вклад иностранной профессуры в подготовку эстонских юристов на юридическом факультете Тартуского университета в 1889-1938 гг. Эстонские юристы в политике в 1917-1940 гг. и их следующая судьба). Tallinn, 2009, lk.46.

критических отчетов» с предшественниками [4, с. 241]. Поэтому, с глубоким уважением моим учителям и ученым-предшественникам, автор этой статьи, употребляет всюду термин – мы.

Ключевые слова: философия права и неправа; преступление; наказание; прибавочная стоимость.

1) С чего следует начинать изучения юридической науки?

Каждое начало - трудно, ибо проблема действительно сложна. То, что первое в науке, в истории тоже первое. Философию, также философию права, нельзя начинать с «я» и с «населения», поскольку отсутствует *отношение*, как *объективное движение*, пускай это и кажется, вроде, правильным – начать с реального и конкретного. Исходным пунктом эмпиризма в любой его разновидности был, есть и остается человек как таковой [4, с. 218]. Однако, исходным пунктом теории, строящейся средствами диалектической логики, может быть только *отношение*. Гегель начинает свою философию права с самого абстрактного явления – *владения*, которое есть *собственность* [2, с. 99], о чём К. Маркс говорит, что Гегель правильно начинает исследование права (философию права) с владения, как простейшего правоотношения субъекта [7, с. 725]. Следовательно, владение, как непосредственно «единичный факт», есть прямое непосредственное приобретение предметов природы индивидом или их коллективом [9, с. 46]. Итак, *владение* есть исходная абстракция, как отношение, как теоретическое начало нашего исследования. Его эквивалент в диалектической логике является категория *бытия*. Уже при поисках исходной абстракции – владения – становится очевидным, что право не имеет собственной истории. Диалектика восхождения от абстрактного к конкретному в области истории предполагает «субъекта» - определенное общество – как данное, как предпосылку, писал К. Маркс и подчеркивал, что никакого владения не существует до отношения господства и подчинения [7, с. 728], то есть до возникновения

социально оформленного человеческого коллектива – общества, или как любил говорить Гегель «гражданского общества». Поэтому все правовые отношения суть отношения общественного целого, члены которого наделяются правовыми свойствами или материями только как элементы или моменты (выражение Гегеля), этого *социального организма*. *Общество* является той предпосылкой, тем субъектом, чьи стороны получают в процессе развития общественное, экономическое, социальное, правовое, психологическое, политическое и другое выражение. Следовательно, развитие абстрактного права, положительного права и законодательства, стало быть, есть лишь моменты развития общества.

Первоначально можно было - бы предполагать, что правовую теорию, также как и теорию неправо, можно начинать из правонарушения или из преступления, однако, как раньше было уже сказано, здесь как раз отсутствует объективное движение, потому, что отсутствует самое главное, *отношение*, хотя выше сказанное кажется первоначально более удобным и даже правильным.

Так называемая «Большая Логика» (also known as „Greater Logic) Гегеля (бытие, сущность и действительность, рассматривающая объективную логику и учение о мышлении, которая разбирающая субъективную логику) является сверхтрудным орешком для каждого ученого, но, не понимая этого (может быть, понимая отчасти), нет и большого смысла, по меньшей мере, заниматься общественными науками или социальными науками, в том числе и правовыми науками. Поэтому, по нашему мнению, диалектическую логику Гегеля можно понимать только тогда, когда у исследователя имеется *определённый предмет*, которого он будет по своим возможностям развивать.

Диалектическая логика Гегеля распадается на три отдела: на логику бытия, сущности и понятия. Учение о *бытие* имеет дело главным образом с логическими категориями качества, количества и меры.

По Л.И. Спиридонова, гегелевская тирада ступеней познания и развития есть реальность. *Бытие* есть непосредственное, *сущность* есть нечто, опосредованное

целым, причём исторически конкретным целым. Однако *понятие*, как воспроизведение бытия по законам сущности, отражение реального процесса истории. Родоплеменной строй, где природное и социальное непосредственно совпадали, получил отражение в сфере *бытия*,³ обменные формации в сфере *сущности*. Понятие пока ещё дело будущего. В понятии, в котором видимость отрицается, становясь сущностью на более высоком этапе его развития. История освоила лишь два первых этапа. Учение о понятии, это методология получения *нового знания*, а не само знание [10, с. 28-29].

Разделение логики на бытие (непосредственное), – продолжает Л.И. Спиридонов – сущность (опосредованное) и понятие (сознательно «конструированное» по законам сущности) – отражение реального процесса истории. Сфера «бытия» и «сущности» - причём одновременно и сферы материализма. Сфера понятия сфера построения реальности по идеалу, то есть по осознанному понятию, выражающая не только наличную сущность, но и её потенции порождать последствиями деятельности новую реальность, а не только «существенное», т.е. существование. Это сфера идеализма. Следовательно, идеализм и материализм оказываются единством [10, с. 28].

Теперь, когда мы «добавляем» сказанному Гегелем, имеющейся реальность или материализм, тогда вышесказанное им, будет более понятным. Мы заявляем, что *наличное бытие* абстрактного права по материалистическому пониманию, есть *владение* (первоначально земля в родоплеменном строе), который есть (частная) *собственность*, а *становление*, как самое главное, как *абсолютное*, как до сих пор неуловимое «одно», которое есть в самом себе и это его бытие не способно становиться иным, есть *прибавочная стоимость* или *потребность прибавочной стоимости*, как прибавка уже существующей собственности при классовых обществах, в том числе и при капитализме, которой уже конкретный индивид или юридическое лицо владеет и без чего общество (человечество)

³ Автор этой статьи, в категории бытие, рассматривает некоторые вопросы и связанные с капиталистическим производством.

вообще не может существовать. Поэтому *потребность прибавочной стоимости* как раз и является *предметом* нашего исследования.

Большим открытием К. Маркса является - открытие *общественно-экономических формаций* и на этой базе открытие *прибавочной стоимости*. Основными общественно-экономическими формациями являются родоплеменная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Как известно, капитализм является самой сложной общественной формацией среди других формаций. К. Маркс в своей главной научной работе «Капитал», исследовал с позиции диалектической логики структуру капиталистического общества и капиталистический способ производства, как основу капиталистической общественно-экономической формации. Это позволило ему посредством открытия *прибавочной стоимости* разоблачить тайну капиталистического производства [13, с. 244-245, 342-344]. Однако, без «Науки логики» (т.н. «Большой логики») Гегеля, не был написан и «Капитал» К. Маркса.

2) Метод диалектической логики

Возникает вопрос, где ошибка, что правовая наука сегодня так мало развита? Автор этой статьи убежден в том, что ошибку следует искать в методах, которые используются при изучении правонарушения. Каждый ученый или исследователь «изобретает» свой метод, с помощью которого он старается решить одну или другую проблему, в действительности же возникают совершенно новые проблемы, как это неизменно случается при эмпирических рассматриваниях.

К сожалению, не хочется признавать то, что в истории человечества были только некоторые единичные личности – учёные (если желаете – гении), которые сумели выработать научный метод, который непременно следует использовать и при исследовании преступности. Эти люди, прежде всего, Платон (427 – 347 до н.э.), Аристотель (384 – 322 до н.э.), И. Кант (1724-1804), Г.В.Ф. Гегель (1770-1831), К. Маркс (1818-1883).

Название этого метода – *диалектическая логика*, которая при помощи категорий логики отражает наиболее общие и значительные свойства явлений действительности и познания. Платон – тот человек, который, разбирая метод познания идей, и называет впервые этот метод «диалектикой». В выработке философских категорий большие заслуги у Аристотеля. Гегель, который рассматривал категории в их диалектическом развитии, говорил со скромностью, свойственной великому ученому, что он развил категории относительно мало, поскольку Аристотель уже в основном сделал эту работу. Гегель утверждает, что «логика есть *самая трудная наука*» [3, с. 39]. Увы, так оно и есть. К. Маркс, который, очевидно, лучше всех из представителей «Эпохи Нового времени» понял диалектическую логику Гегеля и развивал её дальше, утверждал именно касающееся правоведения – в отношении «защиты приобретенных предметов» следующее, «что *каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения*, формы правления и т.д. Грубость и отсутствие понимания в том и заключается, что органически между собой связанные явления ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь» [7, с. 714].

У нас достаточно часто любят говорить в одной либо другой общественной науке о т.н. «системной разработке», но до сути дела, т.е. «до системной разработки» никто, практически, не добрался. Но, с другой стороны, нельзя обвинять в глупости предшествующих нам учёных. В первой части своей «Энциклопедии философских наук» или т.н. «Малой Логике» Гегель писал следующее, что развитие логической идеи оказывается прогрессивным движением, т.е. мышление, поднимаясь от абстрактного к конкретному, в истории философии встречавшиеся ранее системы более абстрактные и, следовательно, вместе с тем и наиболее бедные системы, и менее соответствуют действительности.

3) Всеобщее деление бытия - качество, количество и мера неправа

Согласно немецкому философу И. Канту: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий...» [5, с. 211]. «Бытие, - пишет Гегель. – *во-первых*, определено вообще по отношению к иному (*Anderes*). Оно, *во-вторых*, определяет себя внутри самого себя. *В-третьих*, если отбросить это предварительное деление, бытие есть та абстрактная непосредственность и непосредственность, в которой оно должно служить началом. Бытие полагает себя в трёх следующих определениях: *во-первых*, как *определенность*, как таковая: *качество*; *во-вторых*, как снятая *определенность*: *величина*, *количество*; *в-третьих*, как *качественно* определенное *количество*: *мера*» [4, с. 65-66]. Однако, категории диалектической логики по И. Канту – чисто логические формы, схемы деятельности интеллекта, связующего данные чувственного опыта (восприятий) в форме понятия, теоретического (объективного) суждения. Сами по себе категории пусты, и попытка использовать их не в качестве логических форм обобщения эмпирических данных, а как-то иначе ведет лишь к пустословию, к чисто вербальным словопрениям [4, с. 69].

а) Качество неправо

1) Гегелевская диалектическая логика начинает с бытия, куда входит три категории: а) единичное владение как таковое; б) владение как бытие для другого и потому признанное другим (собственность); в) договор как наличное единство волеобменивающихся, образующее «для-себя-бытие» владения, - составляют непосредственные определения права, характеризующие его со стороны качества. Конечно, такое определение, характеризующее правовые отношения лишь в качестве отношений собственности, не есть характеристика развитого права, например, правовой системы при капиталистических производственных отношениях [9, с. 49].

«Субъектами отношений обмена выступают владельцы товаров, - пишет Л. И. Спиридонов, - которые в простейшем случае (еще не развитого капиталистического производственного отношения – *А.Л.*) являются одновременно и товаропроизводителями. И поскольку здесь выбор производителями видов деятельности определяется в зависимости от особенностей их природных дарований, склонностей, специфических условий производства (например, географических) и т.д., поскольку продукты труда одного индивида отличны от продуктов труда другого индивида. Это в свою очередь обуславливает различие потребностей производителей-владельцев, побуждает их к обмену и делает последний необходимым» [11, с. 40-41]. И он продолжает: «Вместе с тем, выступив в обмен, люди объективно, приобретают новые социальные свойства. Раз индивид А может удовлетворить свою потребность, лишь получив товар индивида В, и наоборот, - оба они пользуются друг другом как средством. Следовательно, каждый из них, будучи для себя самоцелью и высшей ценностью, может достигнуть своей цели лишь, удовлетворив цель другого и тем самым признав его ценность. И поскольку речь идет не об отдельных дуэтах, трио, квартетах индивидов, а о людях, обменные связи которых образуют экономический фундамент общества, человек сознательно или бессознательно, вольно или невольно признает существование коллективного интереса, хотя в любом конкретном акте обмена каждый преследует только свой собственный эгоистический интерес» [11, с. 41].

Итак, как нам скажется, индивид А удовлетворяет свою потребность не насильственным захватом товара, находящегося во владении индивида В. Напротив, в обменном отношении индивиды А и В признают друг друга *собственниками*, т. е. лицами, воля которых пронизывает их товары. Индивиды А и В сами, по своей воле, *отчуждают* свой товар, чтобы получить *прибавочную стоимость*, т.е. прибавку существующей стоимостью, что в свою очередь дает приобрести опять новый товар. Следовательно индивиды А и В как собственники

равны друг другу и они становятся бытием для другого. «Правовым результатом такого развития – результатом опосредствования единичного свободного владения другим равным ему единичным владением – является единое – договор, выражающий общую волю субъектов обмена – отмечает Л. И. Спиридонов» [9, с. 49]. И. Кант по этому случаю сказал, что не делай другому то, чего ты не хочешь, чтобы делают по отношению к тебе.

«Договор (как внешняя форма «для-себя-бытия» владения. – *А.Л.*), однако не снял противоречия, зафиксированного историей в отношении обмена, – пишет Л. И. Спиридонов, – Договорные связи индивидов, основанные на одних только природных особенностях обменивающихся и условий их производства, не устраняли господства случайности. Свобода индивидов, которая предоставлялась абстрактным правом – свелась при таких предпосылках к свободе пользоваться случаем и потому содержала в самой себе возможность неравенства, а стало быть, несвободы» [9, с. 49]. Поэтому, имеется все основания полагать, что абстрактное право (качество права) отрицается *количеством* – неправом.

Следовательно, *договор* является только внешней формой «для-себя-бытия» владения, а внутри-себя-бытием, что является более важным, чем договор, есть *прибавочная стоимость, как субстрат*, ради чего товаровладельцы и обменивают свой товар.

2) У Гегеля в «Философии права» занимает особое место абстрактное право. Он пишет: «Абстрактное право есть, следовательно, только голая возможность и поэтому нечто формальное по сравнению со всем объемом отношения» [2, с. 98]. По его мнению - абстрактное право имеет тот смысл, что вообще в основе права лежит свобода отдельного человека. Личность, говорит Гегель, подразумевает вообще правоспособность. Тогда и этот ход мыслей правильно, что абстрактное право представляет собой первую ступень в движении понятия права от абстрактного к конкретному. Согласно К. Марксу, только этот метод и никакой другой метод есть правильный в научном смысле [7, с. 727]. С точки

диалектической логики, истинное отношение между абстрактного и конкретного есть отношение органического целого – конкретное - и вычлененного в нем момента, стороны, «элемента» - абстрактное. Но при таком понимании единичное, непосредственное, эмпирически наблюдаемое факт действительности, например, правонарушение (преступление), как раз и оказывается абстрактным, а целостность, синтезированное множество, например, капиталистическое общество или государство занимает место конкретного.

Свою реализацию свобода личности, прежде всего, находит, по Гегелю, в праве частной собственности. Гегель обосновывает формальное, правовое равенство членов общества. Люди равны именно как свободные личности, равны в их одинаковом праве на частную собственность, но не в размере владения *частной собственностью*.

Всё высказанное Гегелем не вызывает возражения, только непонятным остаётся самый главный вопрос – откуда человек «получает или берет» это абстрактное право? Вопрос является очень серьезным, потому что, образно говоря, обозначает то, что, как будто, право было бы каким-то «парящим явлением» над обществом, что ведет того, что право исходит от бога?! Но это не так. Право и все его разновидности вытекают из общества и только из общества, потому что индивид, *как член общества*, получает все свои свойства, в том числе и правовые свойства, только из общества как *целого*. Итак, теперь этот сложный вопрос, по нашему мнению, является ясным, и, что самое главное, довольно простым [6, с. 30-31].

Гегель говорит, что правда бытия, а также небытия состоит в единстве как одного, так и другого, и это единство есть становление, т.е. создание какого-то *нового явления*. Другими словами, это значит то, что логическая категория «бытие» предполагает в себе логически, а не во времени, какое либо другое явление. Итак, категория «бытие» или «ничто», в данном случае *владение как собственностью*, предполагает в себе какого-то нового явления.

в) Количество неправо

1) «Неправо есть, – пишет Гегель, – следовательно, видимость сущности, полагающая себя как самостоятельную. Если видимость есть только в себе, и не также и для себя, т.е. если неправо представляется мне правом, то это неправо непреднамеренно. Здесь видимость для права, но не для меня. Второй вид неправы – обман. Здесь неправо не есть видимость для права в себе, но проявляется в том, что я представляю другому видимость как право. Когда я обманываю, право есть для меня видимость. В первом случае неправо было видимости для права; во втором – для меня самого, в ком воплощено неправо, право есть лишь видимость. И наконец, вид неправы - есть преступление. Оно есть неправо в себе и для меня: здесь я хочу неправы и не прибегаю даже к видимости права. Тот, по отношению к которому совершается преступление, и не должен рассматривать в себе и для себя сущее неправо как право. Различие между преступлением и обманом состоит в том, что в обмане в форме его совершения еще заключено признание права, чего уже нет в преступлении» [2, с. 138-139].

Сказанное Гегелем, резюмирует более простыми словами К. Маркс, которого, в свою очередь цитирует Л.И. Спиридонов следующим образом: «Неэквивалентность обмена обуславливает далее возможность произвола отдельных индивидов – их посягательства на равенство сторон в договоре, то есть на самую основу абстрактного права. Юридическое выражение этого произвола охватывает все три возможных степени посягательства: 1) нарушение принципа равенства, устанавливаемого правом, когда стороны не подозревают о неравноценности обмена, то есть, по характеристике К. Маркса, в случае субъективной ошибки во взаимной оценке; 2) нарушение договора, когда посягающий злоупотребляет доверием контрагента в рамках самого договорного отношения, то есть, по словам К. Маркса, «в случае, если один индивид надувает другого»; 3) преступление, когда посягающий попирает право (договор) как таковое, отрицая за ним значение видимости, то есть в случае вступления

«изолированного индивида» в борьбу «против господствующих отношений. Первые две формы составляют сферу преимущественно гражданского права, третья - уголовного» [9, с. 51]. В истории права известно, что римляне впервые разработали право частной собственности потому, что развитие обменных отношений привела к тому, что Римское право превратилось в частное право в его классическом выражении, которое в дальнейшем было одним из тех толчков, которые «ниспровергли» Римскую империю [12, с. 102-103].

Однако надо обязательно подчеркнуть, пишет К. Маркс, что покушение индивида на право во всех формах происходит «не в силу природы той социальной функции, в которой они противостоят друг другу», а «лишь в силу природной хитрости, искусства убеждать и т. д., словом, лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим» [7, с. 187]. Поэтому оно не может преодолеть общей тенденции товаров к эквивалентному обмену, и, следовательно, и общей тенденции эволюции права, которое пока есть лишь «право в себе», стать единым масштабом оценки человеческих поступков. Более того, такого покушение даже не затрагивает экономических основ обмена, ибо свобода и произвол вообще «не касаются непосредственно экономических определений формы обмена, а имеют отношение либо к его юридической форме, либо к содержанию, потребительным стоимостям как таковым...» [7, с. 452-453].

На этой почве у индивида возникает потребность получить *прибавочную стоимость* в виде прямого или косвенного умысла или по неосторожности и здесь никакой разности нет. Следовательно, все составы преступлений, предусмотренные в уголовных кодексах, есть все формы получения прибавочной стоимости, запрещённые положительным правом или законодательными актами. Хотя, каждое наличное бытие, т.е. совершение правонарушения, может иметь разнообразные мотивы. Даже одно преступление может иметь разные мотивы. Как нечто конкретное он содержит многообразные существенные определения, каждое из которых можно, поэтому, выдавать за «главную» мотиву. Хотя здесь имеется

нечто «третье» или «одно», т.е. *прибавочная стоимость*, ради чего совершается преступление и которая является её содержанием.

«Развитие неэквивалентного обмена, - заявляет Л. И. Спиридонов, – соответствующее процессу имущественной дифференциации и накопления богатств, лишает владельцев первоначального равенства. Владение перестает основываться на собственном труде. Поэтому именно здесь становится справедливым утверждение, что собственность – кража: индивиды начинают подразделяться на имущих, малоимущих и неимущих не вследствие неодинаковых затрат труда, а вследствие нарушения пропорций при обмене. Экстенсивное количество превращается, таким образом, в интенсивное» [7, с. 50-51]. К этой проблеме обратили внимание известные исследователи неправа, например, итальянец Р. Гарофалло и др. Разделение индивидов на имущих, малоимущих и неимущих, т.е. социальных слоев при классовых обществах, привело к тому, что отношения между членами общества в основном являются через частную собственность.

С категориальной точки зрения *неправо* относится к диалектической категории *количество*, что в первую очередь означает то, что в случае субъективной ошибки во взаимной оценке, *прибавочную стоимость* может получить обычно только один товаровладелец. В случае обмана или преступления, прибавочную стоимость получает только преступник. Следовательно, субъективная ошибка во взаимной оценке, обман и преступление является только внешними формами, когда их содержанием (внутренней формы) есть *прибавочная стоимость*.

С этой точки зрения, первичное правовое отношение – владение как непосредственно данный «отдельный» факт есть результат прямого присвоения индивидом или коллективом предметов природы. Однако человек господствует только над тем, что сознательно создано им самим. В сфере непосредственного единства человека и природных условий его бытия, он сам выступает как

природное существо, и потому его владение опосредовано одним трудом. Вот почему в исторически ранних правовых системах «собственное основание частной собственности, *владение*, берется как *факт*, как *необъяснимый факт*, а не как *право*» [7, с. 46]. Однако мы можем говорить о праве, таким образом, который уже содержит «право в себе».

«Будучи изначально коллективным существом, пишет, - Л. И. Спиридонов, - единичный владелец предполагает наличие других владельцев. И поскольку здесь выбор производителями вида деятельности определяется в зависимости от «в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом лишь в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим», поскольку продукт труда одного индивида отличен от продукта труда другого индивида. Это, в свою очередь, обуславливает различие потребностей производителей-владельцев, побуждает их к обмену и делает последний необходимым» [9, с. 47]. Обменное отношение придает владельцам новые определения, выводящие их за пределы собственной единичности. Раз индивид А может удовлетворить свою потребность, лишь получив товар индивида В, и наоборот, - оба они пользуются друг другом как средством. Следовательно, каждый из них, будучи для себя самоцелью (бытием для себя), становится бытием для другого. В этом смысле они взаимно полагают себя *равными* друг другу [9, с. 48]. Здесь мы тоже видим первооснову капитализма как более конкретная форма абстрактного права – положительное право переходит в законодательство, которая является единым масштабом оценки человеческих поступков. Возникает вопрос? Разве покушение индивида на юридические нормы, не затрагивает экономических основ обмена? По мнению К. Маркса нет ничего более неправильного, чем тот способ, когда рассматривают общество под углом зрения его экономических условий [7, с. 213]. Мысль К. Маркса движется, по нашему мнению, в правильном направлении, однако, он нигде не писал, что содержанием неправа может быть *прибавочная стоимость*. К. Маркс, конечно хорошо понимал, что *прибавочная стоимость*,

имеет не только экономическое, но и огромное социальное значение для членов общества в целом. Однако К. Маркс изучил в первую очередь в основном экономическую «сторону» *прибавочной стоимости*.

Здесь надо тронуть очень интересную мысль Л.И. Спиридонова, когда он пишет в своей самой главной книге «Социальное развитие и право» следующее: «...речь идёт не о сущности общества вообще; а о сущности капитализма, не о стоимости как таковой, а о прибавочной стоимости и т.д.» [9, с. 25]. Однако автору этой статьи неизвестно, почему он не развивал дальше идею о прибавочной стоимости.

Прибавочная стоимость, имеет как раз огромное социальное, в том числе и правовое значение, и, что самое главное - существование *прибавочной стоимости*, как социально-экономической категории, нельзя доказывать только чисто экономическими Методами (средствами), как это постарались сделать многие экономисты, например, француз Ж. Аттали, американец П. Суизи, эстонец У. Мересте и др., которые, к сожалению, плохо или вообще не знали диалектической логики Гегеля. Поэтому их «научные работы» остались без внимания. Разумеется, задача экономистов при капитализме, должен быть - выработать методологию: каким образом можно увеличить прибавочную стоимость, чтобы она была в пользу всего общества, а не только собственников производственных средств или работодателей.

с) Мера неправо

1) Единство качества и количества образует *меру*. Логическая категория мера, как и количество, является уже прерогативой государства. Правонарушение (преступление) и наказание есть уже «рабочее поле» законодателя как парламента, т.е. государственного учреждения. Гегель изображает «гражданское общество» как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, как войну всех против всех. Поэтому здесь мы и видим, как абстрактное право

переходит через положительное право в законодательство и как «гражданское общество» «переходит» в государство.

В.С. Нерсесянц совершенно правильно обращает внимание на неправильный взгляд Гегеля о том, что в разделе о гражданском обществе, он освещает такие вопросы закона, правосудия и деятельности полиции, хотя эта тематика должна была рассматриваться в той части «Философия Права», где речь идет о государстве. Однако В.С. Нерсесянц продолжает таким образом, что в философско-логическом плане гражданское общество расценивается Гегелем только как момент государства, как то, что «снимается» в государстве [8, с. 21]. И это правильно.

Однако теперь *право* превращается в средство оценки деятельности индивидов-собственников. «В этой своей функции право выступает как *мера*, - отмечает Л. И. Спиридонов, - то есть как единство абстрактного права и неправа. Первое (качество права) признало людей собственниками, обладающими в своей непосредственности особыми товарами, что обусловлено природной спецификой их производства. Второе (количественная сторона права) определило границы свободы индивидов-собственников, соотнеся ее с эквивалентным характером обмена. Мера как количество, которое возвращено к качеству на новой ступени его развития, опосредствует естественную определенность индивидуального производства собственников, в соответствии со сложившейся системой разделения труда. Здесь, стало быть, уже намечается выход за пределы обращения (сферы непосредственного), так как индивид оказывается включенным в систему производственных отношений и становится общественно определенным индивидом. ... Теперь это поступки члена коллектива владельцев. Тот, кто действует, обязан соотносить результаты своих действий с потребностями *социального целого*. Только отвечающий этому требованию поступок – правомерен. Но в таком случае индивид должен, во-первых, иметь возможность предвидеть последствия своей деятельности. Он становится субъектом права лишь

поскольку, постольку он свободен изменить наличную действительность соответственно своему знанию и воле. Это юридическое условие правосубъективности выражается в категории «*причинение*». Во-вторых, индивид должен сознавать, что его поступки имеют общественное значение. Иначе его действия юридически ничтожны. Тот, кто не в состоянии предвидеть социальной значимости своих действий, не может заключить законную сделку или явиться субъектом ответственности. В-третьих, если все юридические условия правосубъективности налицо, то индивид наделяется *правами* и *обязанностями*. Они-то и служат реальной мерой деятельности людей не просто как владельцев, но и как членов коллектива, обуславливая их взаимодействие и взаимосвязь. Праву одного индивида соответствует обязанность другого и наоборот» [9, с. 53-54].

Только тогда, когда члены общества наделенными правами и обязанностями, мы можем перейти к сугубо правовой мере, вернее мере положительного права, т.е. каким образом предвидит законодатель законодательный акт – отношение преступления и наказания, что именно станется масштабом поведения каждого члена общества, что определяет границы свободы каждого члена общества, когда он нарушает положительное право. Следовательно, мера как наказание станется масштабом.

Что же касается наказания, то под наказанием обычно подразумевается месть виновному, перевоспитание виновного лица, исправление виновного, чтобы он в дальнейшем не совершал виновных деяний, а в отношении тюремного заключения – также то, что пока он изолирован от общества, он, как правило, не может совершить новых преступлений. Все указанные определения наказания ни в коем случае не ошибочные, но они «собранные вместе», не дают того явления, которое Гегель называет «нечто», что, кстати, и есть *содержание наказания* [1, с. 420-425]. Известно, что при совершении преступления, преступник получает в себе

прибавочную стоимость, а при наказании его - прибавочную стоимость получают все члены общества.

Смертная казнь, естественно, месть. Смертную казнь во многих странах отменили только представительные органы, парламенты различных государств. Население повсюду было против отмены смертной казни. Однако Гегель говорит: народ ничего не знает...

«Мера, как единство качества и количества, – пишет Гегель, – есть, следовательно, вместе с тем завершенное бытие» [3, с. 185].

4) Резюме

а) Как известно все категории *бытия* связаны переходом определений друг в друга. Противоречие же порождает движение, имеет импульс и деятельность, которое становится каким-то другим явлением [1, с. 31]. В какую же форму собственности «переходит» владение – снова очень сложная проблема. В качестве пометки на полях да будет сказано, что в условиях капиталистических производственных отношений взаимоотношения членов общества, как правило, *раскрываются через частную собственность*. Исследователь Гегеля К.Фишер писал, что философия (логика) Гегеля по своему характеру как знание, как воля к получению нового знания и разрешение проблем, вытекающих из этого нового знания [14, с. 340]. Основная категория, господствующая над всей логикой Гегеля – это категория *развития*. Л.И. Спиридонов отмечает в связи с категорией философского начала или «бытия», при изучении права - *владение*, почему в ходе дальнейшего теоретического анализа, сверхсложным является то обстоятельство, чтобы ученый не потерял расследуемого *целого*. Неосторожный же анализ (утративший образ целого как свою исходную предпосылку и цель) всегда рискует разрознить предмет на такие составные части, которые для этого целого совершенно неспецифичны и из которых поэтому снова собрать целое

невозможно, так же как невозможно, разрезав тело на куски, снова склеить их в живое тело [9, с. 45].

b) Категория бытие – качество, относится к абстрактному праву, категории количество и мера относятся к положительному праву или какому-то законодательному акту, согласно Гегеля, представляют собой различные состояния некоторого *субстрата*. Договор, он письменным или устным, есть только внешней формы «для-себя-бытия» владения, а внутренней формы или содержанием, что является более важным, чем договор, является *прибавочная стоимость, как субстрат*, ради чего товаровладельцы обменивают свой товар.

c) Мы заявляем, что *наличное бытие* абстрактного и положительного права по материалистическому пониманию, есть *владение* (первоначально земля в родоплеменном строе), который есть (частная) *собственность*, а *становление*, как самое главное, как *абсолютное*, как до сих пор неуловимое «одно», есть *прибавочная стоимость* или *потребность прибавочной стоимости*, как прибавка уже существующему собственности при классовых обществах, в том числе и при капитализме, которая уже конкретный индивид или юридическое лицо владеет и без чего общество (человечество) вообще не может существовать. Поэтому потребность *прибавочной стоимости* как раз и является *предметом* нашего исследования.

d) С категориальной точки зрения *неправо* относится к диалектической категории количество, что в первую очередь означает то, что в случае субъективной ошибки во взаимной оценке, *прибавочную стоимость* может получить обычно только один товаровладелец. В случае обмана или преступления, прибавочную стоимость получает только преступник. Следовательно, субъективная ошибка во взаимной оценке, обман и преступление является только внешними формами, когда их содержанием или внутренней формы есть *прибавочная стоимость как субстрат*. Итак, этим субстратом является как раз – *прибавочная стоимость, как новое знание, как истина*

е) Положительное право, как законодательство, как мера, как отношение преступления и наказания, где оба они являются внешними формами положительного права, законодательного акта или юридического закона, их внутренняя форма или содержание есть *прибавочная стоимость*. При совершении преступления, преступник получает в себе *прибавочную стоимость*, а при наказании его - *прибавочную стоимость получают все члены общества*. Следовательно, и преступление и наказание есть оба потребность *прибавочная стоимости по разным формам*. Вместе с тем исчезнет и загадочность правонарушения (преступления) и наказания.

ф) Здесь следует отметить, к сожалению, что философы, ученые–экономисты и представители других отраслей науки развивали правоведение больше, чем это делали сами правоведы. Основной недостаток юристов, предположительно, состоит обычно в незнании философии либо в плохом её знании. Известно, что по Гегелю, диалектическая логика является всеобщей наукой.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. Санкт-Петербург, 2002.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Москва, 1990.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. Москва-Ленинград, 1930.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Москва, 1984.
5. Кант И. Соч., в 6-ти., Т. 3. Москва, 1964.
6. Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Санкт - Петербург, 2011, с. 30-31.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 12. Изд. 2. Москва, 1958.

8. Нерсисянц В.С. «Философия права»: история и современность // Гегель Г.В.Ф. Философия права. Москва, 1990.
9. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Ленинград.
10. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. Санкт - Петербург, 2002.
11. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. Москва, 1986.
12. Спиридонов Л.И. Избранные произведения по теории права. Санкт – Петербург, 2010.
13. Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983.
14. Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Москва-Ленинград, 1933.